

Научная статья /
Research Article

<https://elibrary.ru/WBVGDN>
УДК 821.111.0
ББК 83.3(4Вел)7

ИЗ ИСТОРИИ АНГЛИЙСКОЙ АНТИУТОПИИ КОНЦА XX В.: ИДЕЙНО-СОДЕРЖАТЕЛЬНЫЕ ДОМИНАНТЫ РОМАНА Ф.Д. ДЖЕЙМС «ДИТЯ ЧЕЛОВЕЧЕСКОЕ»

© 2023 г. В.И. Пулатова

Национальный Университет Узбекистана

им. Мирзо Улугбека, Ташкент, Узбекистан

Дата поступления статьи: 17 мая 2022 г.

Дата одобрения рецензентами: 28 июня 2022 г.

Дата публикации: 25 сентября 2023 г.

<https://doi.org/10.22455/2500-4247-2023-8-3-68-81>

Аннотация: В статье предлагается анализ реализации жанрового инварианта антиутопии в романе английской писательницы Ф.Д. Джеймс «Дитя человеческое». В частности, проводится исследование его идейно-тематических элементов на основе антиутопического канона. В ходе работы, во-первых, была охарактеризована литературная антиутопия; во-вторых, определена степень изученности произведения в русско- и англоязычном литературоведении; в-третьих, с помощью методов жанрово-типологического и художественного анализа было рассмотрено идейно-тематическое содержание романа, согласно канону обусловленное идеей власти, темой авторитарного государства, проблемами ограничения свободы, прогресса бездуховности и регресса духовности, а также комплексом мотивов (мотивом уничтожения прошлого, мотивом стандартизации, предупреждения и пр.). В результате выявлено, что антиутопия «Дитя человеческое» с идейно-содержательной точки зрения создана в рамках жанровой традиции. В то же время своеобразно представлен мотив разрушения родственных связей и распада семьи: центральный для произведения образ ребенка наделен сакральным значением. Мотивы предупреждения и «профанирования сакральной библейской тематики» усиливаются автором.

Ключевые слова: жанр, антиутопия, тема, проблема, мотив, образ, идейно-содержательная доминанта, канон.

Информация об авторе: Виктория Искандеровна Пулатова — докторант (PhD), Национальный Университет Узбекистана им. Мирзо Улугбека, ул. Фараби, д. 400, 100174 г. Ташкент, Узбекистан. ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0003-1560-6307>

E-mail: vickyft9@mail.ru

Для цитирования: Пулатова В.И. Из истории английской антиутопии конца XX в.: идейно-содержательные доминанты романа Ф.Д. Джеймс «Дитя человеческое» // Studia Litterarum. 2023. Т. 8, № 3. С. 68–81.
<https://doi.org/10.22455/2500-4247-2023-8-3-68-81>

This is an open access article distributed under the Creative Commons Attribution 4.0 International (CC BY 4.0)

Studia Litterarum,
vol. 8, no. 3, 2023

FROM THE HISTORY OF ENGLISH DYSTOPIA OF THE END OF THE 20TH CENTURY: CONCEPTUAL AND SUBSTANTIAL DOMINANTS OF THE NOVEL *THE CHILDREN OF MEN* BY P.D. JAMES

© 2023, Viktoria I. Pulatova

*National University of Uzbekistan named after Mirzo
Ulugbek, Tashkent, Uzbekistan*

Received: May 17, 2022

Approved after reviewing: June 28, 2022

Date of publication: September 25, 2023

Abstract: The paper suggests the analysis of the way dystopian genre invariant was realized in the novel *The Children of Men* by the English writer P.D. James. Particularly, the author of the article studies the novel's conceptual and thematic elements regarding dystopian canon. Firstly, the article characterizes literary dystopia. Secondly, it defines the level of novel's research in Russian and English literary studies. Thirdly, using the methods of genre typology and artistic analysis, the article investigates conceptual and thematic content of the novel, that is defined, according to the canon, by the concept of power, theme of an authoritarian state, problems of freedom restriction, progress of material values and regress of spiritual ones and by the complex of motifs (destruction of the past, standardization, prevention, etc.). The results show that the dystopia *The Children of Men* was written in the conceptual and substantial aspect within the bounds of the genre tradition. At the same time the motif of family ties' destruction and decay of family is presented originally: the central image of the child gains sacred meaning. The author intensifies the motifs of prevention and profanation of sacred biblical thematic.

Keywords: genre, dystopia, theme, problem, motif, image, conceptual and substantial dominant, canon.

Information about the author: Victoria I. Pulatova, PhD student, National University of Uzbekistan named after Mirzo Ulugbek, Farabi St. 400, 100174 Tashkent, Uzbekistan. ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0003-1560-6307>

E-mail: vickyft9@mail.ru

For citation: Pulatova, V.I. "From the History of English Dystopia of the End of the 20th Century: Conceptual and Substantial Dominants of the Novel *The Children of Men* by P.D. James." *Studia Litterarum*, vol. 8, no. 3, 2023, pp. 68–81. (In Russ.) <https://doi.org/10.22455/2500-4247-2023-8-3-68-81>

В мировом литературном процессе XX в. художественные произведения антиутопического жанра в силу общеизвестных политических, научно-технических и социальных причин занимали существенное положение. Исследования поэтики романов Е. Замятина, О. Хаксли и Дж. Оруэлла позволили литературоведам сформулировать канон жанра. Эти антиутопии оказали значительное влияние и на литературный процесс второй половины столетия и рубежа веков. Наиболее продуктивной в этом отношении стала американская литература: появились антиутопии Р. Брэдбери, У. Ле Гуин, Ф.К. Дика, канадки М. Этвуд и пр. Исследовательский фокус сместился в их сторону, оставляя несколько «в тени» образцы жанра английских писателей — Э. Бёрджесса, Д. Балларда, Д. Лессинг и др. В данной статье предпринимается попытка анализа романа-антиутопии английской писательницы Филлис Дороти Джеймс «Дитя человеческое» (“The Children of Men”, 1992).

Ф.Д. Джеймс известна прежде всего как автор серии детективов об А. Дэлглише («Лицо ее закройте», «Саван для соловья» и пр.). Специальные исследования на русском языке, посвященные ее роману-антиутопии, практически отсутствуют, за исключением единичных работ. В частности, Г.С. Андреев определяет произведение как «постклассическую антиутопию, реализованную в форме детектива» и анализирует воплощение в нем проблемы свободы и ее решение [1, с. 114–115]. В англоязычном литературоведении роман исследован в большей степени. В Энциклопедии Британской литературы «Континуум» произведение обозначается как «футуристический роман» (перевод наш. — В.П.) [13, р. 523]. Г. Клэйс в обзоре ключевых антиутопических текстов конца XX в. характеризует и роман Джеймс, указывая основные его темы и отмечая наличие религиозного контекста

[10, p. 479]. М.М. Лисбоа среди других образцов жанра рассматривает и антиутопию «Дитя человеческое». Кратко обозначив сюжет и тематику, автор акцентирует внимание на религиозном подтексте произведения, раскрывая его через христианский смысл имен и финальной сцены рождения и крещения [11, p. 77]. На основе сравнения с романами М. Этвуд и Д. Уиндема автор характеризует специфику репрезентации авторитарной власти в романе Ф.Д. Джеймс [11, p. 77, 100]. По мотивам исследуемого романа был снят одноименный полнометражный фильм (“Children of Men”, 2006). А.В. Павлов называет данную экранизацию в числе «переходных антиутопий», в которых «ключевым пунктом становится (социальное) неравенство» [7]. А.А. Дыдров и В.С. Невелева упоминают фильм в качестве образца раскрытия темы конца света [2, с. 101].

Для корректного анализа художественного текста необходимо прежде всего конкретизировать наше понимание жанра антиутопии и его характерных признаков. Научная полемика в данном направлении продолжается до сих пор и в русско-, и в англоязычном литературоведении, и по-прежнему отсутствует общепринятое твердое определение сути жанра и его доминант. О.В. Лазаренко обозначает антиутопию как специфическую художественную форму XX в. и наделяет ее способностью «целостно представлять эпоху, раскрывая сущностное и закономерное в ее эстетических и философских поисках», обусловленную тем фактом, что антиутопия органично вписана в культурный контекст эпохи [5, с. 3]. Напротив, Ф. Виейра полагает, что антиутопия представляет собой субжанр, входящий в парадигму утопии: “The story of the darker side (*of utopia*) goes back to the eighteenth century, though, and is related to two other literary sub-genres: satirical utopia and anti-utopia”¹ [14, p. 15]. В работах других литературоведов антиутопия отождествляется с фантастикой: Д. Сувин причисляет антиутопию к формам научной фантастики [12, p. 38]; Е.Н. Ковтун считает возможным рассматривать утопию — «как ее положительный, так и отрицательный (антиутопия) варианты» — как часть «социально-фантастической литературы XX столетия» [4, с. 78]; сходное мнение выражает С.Э. Камилова [3, с. 48]. Мы разделяем точку зрения О.В. Лазаренко, Б.А. Ланина, С.Г. Шишкиной и др., утверждающих самостоятельность антиутопии как жанра, и опира-

1 «История темной стороны (утопии) берет начало в XVIII в. и связана с двумя другими литературными субжанрами: сатирической утопией и антиутопией» (перевод наш. — В.П.).

емся на концепцию С.Г. Шишкиной, предлагающей следующее толкование: «Антиутопия — интертекстуальный литературный жанр, дискурс которого отличается своеобразно смоделированным хронотопом и направлен на выяснение соотношений внутри триады “человек — цивилизация — общество” с отрицанием возможности реализации утопических идеалов при условии нарушения баланса и гармонии между социумом и его нравственным наполнением» [9, с. 207].

В рамках данной статьи не представляется возможным исследовать всю жанровую структуру антиутопии «Дитя человеческое», поэтому ограничимся рассмотрением ее идейно-тематических доминант. На основе существующих литературоведческих работ, а также на материале классических художественных текстов (повести Э. Форстера «Машина останавливается» (1909), двух антиутопий О. Хаксли {«О дивный новый мир» (1932), «Обезьяна и сущность» (1948)} и Дж. Оруэлла (повести «Скотный двор» (1945) и романа «1984» (1949)) мы выделили ряд признаков, которые, на наш взгляд, определяют идейно-тематическое содержание классической литературной антиутопии. В первую очередь это идея власти — подавления меньшинством большинства, — которая актуализируется посредством а) темы тоталитарного (авторитарного) государства / общины, б) проблемы ограничения свободы (свободы воли, слова, мысли). В романе О. Хаксли «О дивный новый мир» Мировое государство управляется Советом Главноуправителей; люди не имеют свободы воли и мысли, так как личность формируется искусственно, на стадии эмбриона. В романе «Обезьяна и сущность» община новых людей управляется духовенством во главе с Архинаместником. У Дж. Оруэлла привилегированная часть общества (свиньи, члены Внутренней партии) управляет всем народом с помощью жестких мер, контролируя все стороны жизни человека, даже его сознание («полиция мыслей»).

Далее — проблема прогресса науки (бездуховности, материального) и регресса человечества (духовности). Здесь наблюдается обратная зависимость: чем выше уровень технического прогресса, обеспечивающего человечество материальными ценностями, тем ниже самосознание личности и тем менее духовно развитой она становится. В «дивном новом мире» Хаксли промышленность достигла невероятного уровня, но искусство, красота, религия, нравственность принесены в жертву комфорту и счастью. Челю-

век запрограммирован под определенные условия и одновременно лишен врожденного стремления к прекрасному: «Люди счастливы; они получают все то, что хотят, и не способны хотеть того, чего получить не могут...» [18, с. 461]. «Ощущательное кино» и запаховый орган исчерпывают всю их потребность в прекрасном. Счастье личности, ее возможности духовного развития заменены искусственным состоянием комфорта и достатка.

Тематическое содержание определяет и комплекс ведущих мотивов: 1) мотив уничтожения или искажения культуры (прошлого). В антиутопиях Хаксли: прошлое признается ошибочным и меняется на прямо противоположное настоящее, культура совершенно отсутствует (вера в дьявола вместо христианства, почти первобытная община — «Обезьяна и сущность», отказ от культуры прошлого — «О дивный новый мир»). В произведениях Оруэлла прошлое в принципе отменяется либо переделывается в угоду правящему меньшинству; 2) вслед за Б.А. Ланиным мы выделяем мотив «профанирования сакральной библейской тематики» [6], подразумевающий искажение религиозных и церковных постулатов, являвшихся важной составляющей культуры прошлого. В антиутопии Уэллса «Спящий пробуждается» (1899) религия превратилась в бизнес («молитвы на скорую руку для деловых людей» [17, с. 249]). В повести Форстера для жителей подземного города есть только одно божество — Машина, ей поклоняются и молятся, когда возникают перебои в ее же работе. У Хаксли в ранней антиутопии в Вестминстерском аббатстве проходят «концерты синтетической музыки», вместо богослужений — сходки единения во славу «Великого Организма». В романе «1984» религия уничтожена, существует лишь вера в Старшего Брата; церкви, колокольный звон которых ассоциируется у Уинстона с прошлой жизнью, тоже уничтожены или переделаны — превращены, например, в «музей, где демонстрировали пропаганду...» [16, с. 112]; 3) мотив, обозначенный С.Г. Шишкиной как «мотив разрушения родственных связей, отчуждения и распада семьи» [8, с. 46]. В антиутопии Хаксли институт семьи упразднен, а воспитание ребенка — научный, строго систематизированный процесс. В мире «1984» семья существует лишь формально: дети воспитываются государственной пропагандой так, чтобы видеть врагов в собственных родителях и доносить на них в Полицию мыслей; 4) как следствие, возникает мотив стандартизации — социальной и биологической. Социальная стандартизация — жестко регулируемая социальная иерархия

и стандарты поведения, приравненные к закону, за нарушение которых виновного ждет суровое наказание (кастовая система «дивного нового мира», гендерно-обусловленная система первобытной общины в романе «Обезьяна и сущность»). К социальным стандартам мы относим и различные общественные ритуалы (двухминутки и недели ненависти, сходки единения). Биологическая стандартизация предполагает искусственное устранение или стимулирование определенных особенностей развития человека: деятельность Инкубатория «дивного нового мира»; ритуал «очищения» в романе «Обезьяна и сущность»; 5) мотив предупреждения. Форстер в своей повести предупреждает о возможном подчинении цивилизации Машине и конечной гибели первой. В антиутопии «Обезьяна и сущность» Хаксли предостерегает против необдуманного и неограниченного использования достижений науки, также могущего повлечь самоуничтожение человечества. В первой антиутопии писатель предупреждает об опасности бездумного потребительства. Оруэлл предостерегает против установления тоталитарных режимов; 6) мотив страха, взаимосвязанный с идеей власти, проблемой ограничения свободы и социальной стандартизацией. Жизнь человека в антиутопическом обществе ограничена установленными стандартами; за их соблюдением с различной строгостью, но следят представители власти. Все это создает атмосферу постоянной тревоги и страха, которая может усиливаться искусственно. Так, название повести Форстера «Машина останавливается» можно рассматривать как воплощение самого большого страха жителя подземного города — страха неизвестности и беспомощности. В романе Хаксли «Обезьяна и сущность» жители общины, особенно женщины, живут в постоянной тревоге, боясь совершить грех, и задабривают Велиала. Этот страх поддерживается искусственно — ритуалом «очищения» общины от ущербных младенцев. Наиболее убедительно данный мотив раскрывается в антиутопиях Оруэлла. В «Скотном дворе» Наполеон с помощью свирепых собак держит в страхе и заставляет подчиняться обитателей фермы; в романе «1984» этой же цели служит Полиция мыслей, а также публичные казни. Данный комплекс мотивов послужит базой, на которую мы будем опираться при анализе антиутопии «Дитя человеческое».

Фундаментальная для жанра идея власти воплощается в тексте посредством темы авторитарного государства — Англии 2021 г. Власть в нем принадлежит Ксану Липпиату, называющему себя «Правителем Англии»,

и подчиняющемся ему Совету. Они устанавливают авторитарный режим, воспользовавшись атмосферой всеобщей депрессии: наступил кризис рождаемости, нынешняя молодежь (поколение Омега) бесплодна, человечество обречено на вымирание. Политика Совета основывается на ряде установленных порядков, жестко ограничивающих свободу людей, подавленных психологически: во-первых, все преступники, независимо от тяжести преступления, содержатся в нечеловеческих условиях в штрафной колонии на острове, побег означает смерть; во-вторых, всех стариков убивают под видом церемонии добровольного «успокоительного конца»; в-третьих, «временные жители» — иностранцы из беднейших стран — фактически превращены в рабов; в-четвертых, всех граждан принудительно проверяют на «фертильность» — способность к деторождению. Группа несогласных из пяти человек выступают с требованием отменить или смягчить эти законы, и моментально начинается их преследование. К ним присоединяется и главный герой Тео (Теодор) Фэрон, кузен правителя Ксана.

Идейно-тематическое содержание романа в значительной степени определяется и проблемой прогресса бездуховности. Данный компонент актуализируется в образе поколения Омега — юношей и девушек, родившихся в 1995 г., воплощавших надежды на будущую жизнь, а потому чрезмерно избалованных. Но они не оправдали этих ожиданий, оказавшись неспособными к продолжению рода. Автор отождествляет Омега с природной карой человечества: многие из них, прекрасные внешне, «как молодые боги», «еще и жестоки, надменно-наглы и вспыльчивы <...>. Если с ранних лет обращаться с детьми как с богами, то, став взрослыми, они наверняка будут вести себя как дьяволы» [15]. Они презирают остальных; некоторые превращаются в разбойников и убийц, организуя целые банды («Раскрашенные лица»). Проблема регресса духовности в тексте реализуется частично: преобладающая часть населения пассивна и деморализована, разочарована в вечных ценностях и в Божьем промысле, погружена в тоску и апатию, которым предшествовала череда самоубийств. Однако встречаются и приверженцы противоположного образа мыслей, превратившиеся в религиозных фанатиков, практиковавших умерщвление плоти и человеческие жертвоприношения.

Содержание романа Ф. Джеймс также обусловлено комплексом традиционных для антиутопии мотивов. В первую очередь это «мотив разру-

шения родственных связей, отчуждения и распада семьи», на котором автор фокусирует читательское внимание посредством выбора заглавия. Выражение «Дитя человеческое» (“The Children of Men”) определяет центральный образ произведения — образ ребенка, детей. Возможна и другая трактовка: название в буквальном переводе («дети / сыны человеческие») — аллюзия на библейский текст, актуализирующая религиозный контекст произведения в целом. В обществе, изображенном Джеймс, детей нет, что приводит к неизбежному разрушению семьи в истинном понимании слова. Теперь она превратилась в средство избавления от одиночества и отчаяния из-за осознания «неизбежного упадка и разложения» [15, с. 178]. Помимо этого, исчезла и гармония родственных связей: прервалась преемственная связь поколений, и старики превратились в действительную обузу, за избавление от которой Совет правителя платит пособие родным. В целом все чувства и эмоции уступили место всеобщей тоске, подобной общей болезни, что не может не вызвать ассоциации с философией экзистенциализма: «...живых охватила почти всеобщая апатия, то, что французы называли *ennui universel*!»² [15, с. 13–14]. В семье главного героя ситуация еще более трагичная: по неосторожности Тео погибает его малолетняя дочь, жена Хелена бросает его и уходит к другому. «И без надежды на появление последующих поколений <...> без уверенности, что мы, мертвые, будем жить в них, — без этого любые удовольствия, идущие от ума и чувств, иногда кажутся мне не более чем жалкими подпорками для окружающих нас руин» [15, с. 15–16], — делает горький вывод герой. Это объясняет возникшее желание не думать, забыть обо всем, что связано с потерей: люди закрыли или переоборудовали школы; уничтожили детские площадки; изъяли из библиотек книги для детей; сожгли игрушки (за исключением кукол, служащих для некоторых женщин утешением). Так реализуется в тексте мотив частичного уничтожения прошлого. Главный герой, преподаватель истории по профессии, как никто другой, понимает бессмысленность прошлого без будущего: «История, которая изучает прошлое, чтобы понять настоящее и сопоставить его с будущим, — самая бесполезная наука для умирающего человечества» [15, с. 19].

В романе «Дитя человеческое» с точки зрения социальной организации отсутствует жесткая иерархия, однако общество само по себе сильно

2 Всеобщая тоска (*фр.*) — примеч. пер.

дифференцировано: поколение Омега сознательно изолирует себя от других; старики превращаются в презираемых, как и «временные жители», и т. д. Социальная стандартизация проявляется также, как нам кажется, в виде ритуалов двух типов. К первому относятся те, которые возникли случайно, но позже превратились в принудительные и стали отождествляться именно с законом, — это церемонии «успокоительного конца»: старики, добровольно выбравшие уход из жизни, отправляются в последнее путешествие-круиз; их, облаченных в белое, торжественно провожают родные под звуки оркестра. То, что увидел Тео, скорее можно назвать убийством: старушки всходили на судно безвольно, «некоторые из женщин стали двигаться под музыку, держась за свои белые юбки и неуклюже делая пируэты» [15] (герою даже подумалось, что они были под действием наркотиков). Вдруг одна из женщин «закричала и начала отчаянно колотить руками» [15], спрыгнула в воду и стала грести к берегу. Тео бросился на помощь и узнал в ней жену своего друга и коллеги. Он почти дотянулся до нее, но солдат ударил ее по голове: «Она упала лицом в воду, беспомощно перебирая руками. На мгновение вода покраснела, но следующая волна поглотила несчастную и, отхлынув, оставила ее распростертой в прибрежной пене. Хильда попыталась подняться, но солдат ударил ее снова» [15]. Тео потерял сознание, а после узнал, что церемония, которая должна была быть известной и доступной для всеобщего посещения, была проведена тайно. Данный инцидент решил судьбу героя: он присоединился к заговорщикам — группе «Пять рыб».

К другому типу ритуалов относятся новые традиции, начавшиеся как модная тенденция, но вскоре для многих, особенно для женщин, превратившиеся в необходимость. Это псевдодетские ритуалы: в отсутствие детей женщины перенесли свою любовь и заботу на кукол и котят. Главный герой однажды наблюдал такую сцену: «...женщина, приостановившись, сняла плащ и опустила верх у коляски. В ней, привалившись спиной к подушкам, сидела кукла; руки в рукавчиках покоились на стеганом одеяльце. Это показалось пародией на детство, жалкой и одновременно зловещей» [15]. Подобное отношение стало буквально «всеобщим помешательством». В то же время детские религиозные ритуалы — крещение и т. д. — проводятся над котятками со всей серьезностью. Этот еще раз подтверждает наличие религиозного контекста, а конкретно — мотива «профанирования сакральной библейской тематики» [6], более убедительно раскрывающегося с помощью

образов многочисленных «телевизионных проповедников», превративших свою деятельность в прибыльный бизнес. Так, одна из них, Роза Макклор, уподобила ад «плохо управляемому и малокомфортабельному четырехразрядному отелю», а затем «фактически отменила вторую ипостась Троицы вместе с крестом, заменив его золотым шаром солнца, напоминающим кричаще безвкусную вывеску на викторианском пабе» [15]. Ее проповеди напоминают настоящий театральный спектакль, с хором, оркестром и сменами одежд.

Помимо рассмотренных, в антиутопии «Дитя человеческое» дифференцируется мотив страха: старики боятся, что на них донесут и отправят на «церемонии»; Тео и группа «Пять рыб» боятся быть пойманными; те, кто нарушал закон до захвата власти Ксаном, теперь боятся попасть в штрафную колонию. Во второй части произведения у главных героев появляется страх, который нивелирует все прочие переживания, — боязнь потерять хрупкую надежду человечества, заключенную в Джулиан, ожидающей ребенка. Ради младенца остальные члены группы отдают свои жизни; диктатор Ксан, для которого ребенок — возможность распространить свою власть на весь мир, буквально поднимает на поиски всю страну и не гнушается убийствами, а Тео без сожалений убивает его самого.

В тексте наличествует и мотив предупреждения. Изображая последние дни караемого за грехи человечества, автор предостерегает людей от повторения тех же ошибок. Критикуя, Ф.Д. Джеймс одновременно предлагает свой вариант решения проблемы, воплощенный в образах главных героев. Только люди, подобные Джулиан, переродившемуся Тео, Мириам, Льюку, готовые жертвовать собой, бороться с несправедливостью в любых обстоятельствах, невзирая на эффективность и целесообразность результатов борьбы, вознаграждаются шансом на будущее. Однако относительно счастливая концовка романа вновь содержит предупреждение, которое реализуется косвенно — через открытый финал (неизвестно, как распорядится Тео кольцом власти) — и прямо — во фразе одного из членов Совета, смотрящего на новорожденного: «Итак, все начинается сначала» [15].

Таким образом, анализ идейно-содержательных доминант антиутопии «Дитя человеческое» показал, что данное произведение сохраняет традиционные элементы жанра. При этом своеобразие романа, на наш взгляд, заключается в оригинальном раскрытии мотива разрушения родственных

связей через центральный образ ребенка, наделенный сакральным значением. В тексте акцентируются мотивы предупреждения и «профанирования сакральной библейской тематики»; мотив уничтожения прошлого представлен несколько усеченно: уничтожается лишь то, что служит напоминанием о детях. Мы полагаем, что, несмотря на малую известность романа Ф.Д. Джеймс «Дитя человеческое», он все же внес определенный вклад в развитие английской антиутопической традиции, так как сходный центральный образ и некоторые мотивы позже были использованы Б. Элтоном в антиутопии «Слепая вера» (2007).

Список литературы

Исследования

- 1 Андреев Г.С. Проблема свободы в английской антиутопии: дис. ... канд. филос. наук. СПб., 2020. 304 с.
- 2 Дыдров А.А., Невелева В.С. «Конец света» и «конец мира»: философская интерпретация постапокалиптической фантастики // Социум и власть. 2018. № 5 (73). С. 100–108.
- 3 Камилова С.Э. Современный рассказ: содержательные векторы и повествовательные стратегии. Ташкент: Fan va texnologiya, 2016. 410 с.
- 4 Ковтун Е.Н. Поэтика необычайного: Художественные миры фантастики, волшебной сказки, утопии, притчи и мифа (На материале европейской литературы первой половины XX века). М.: Изд-во МГУ, 1999. 308 с.
- 5 Лазаренко О.В. Русская литературная антиутопия 1900-х – первой половины 1930-х годов: Проблемы жанра: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Воронеж, 1997. 20 с. URL: <https://dlib.rsl.ru/01000182535> (дата обращения: 07.06.2020).
- 6 Ланин Б.А. Русская литературная антиутопия XX в.: дис. ... д-ра филол. наук. М., 1993. 350 с. URL: <https://dlib.rsl.ru/01000172109> (дата обращения: 05.03.2021).
- 7 Павлов А.В. Искусство мечтать напрасно: антиутопия и капитализм в современных кинофраншизах // Семинар «Экономика и культура», 2017. URL: <https://arteliberales.spbu.ru/ru/calendar/iskusstvo-mechtat-naprasno-antiutopiya-i-kapitalizm-v-sovremennyh-kinofranshizah> (дата обращения: 23.04.2022).
- 8 Шишкина С.Г. Истоки и трансформации жанра литературной антиутопии в XX веке. Иваново: Ивановский гос. химико-технологический ун-т, 2009. 229 с.
- 9 Шишкина С.Г. Литературная антиутопия: к вопросу о границах жанра // Вестник гуманитарного университета ИГХТУ. 2007. Вып. 2. С. 199–208.
- 10 Claeys G. Dystopia: A Natural History. A Study of Modern Despotism, Its Antecedents, and Its Literary Diffractions. New York: Oxford University Press, 2017. 556 p.

- 11 *Lisboa M.M.* The end of the world: Apocalypse and its aftermath in Western culture. Open Book Publishers, 2011. 219 p. DOI: 10.11647/OBP.0015
- 12 *Suvin D.* Positions and presuppositions in science fiction. Ohio: Kent State University Press, 1988. 227 p.
- 13 *Upson N.* James P[hyllis] D[orothy], Baroness James of Holland Park // The Continuum encyclopedia of British literature / ed. by S.R. Serafin, V. Grosvenor Myer. New York: The Continuum International Publishing Group Inc., 2003, pp. 522–523.
- 14 *Vieira F.* The concept of utopia // The Cambridge companion to utopian literature / ed. by G. Claeys. Cambridge: Cambridge University Press, 2010. P. 3–27.

Источники

- 15 *Джеймс Ф.Д.* Дитя человеческое / пер. с англ. О.И. Климова. М.: АСТ, 2008. URL: http://loveread.ec/read_book.php?id=47684&p=1 (дата обращения: 15.04.2022).
- 16 *Оруэлл Д.* 1984 / пер. с англ. Д. Шепелева. М.: Эксмо, 2021. 352 с.
- 17 *Уэллс Г.* Спящий пробуждается // О дивный новый мир: Английская антиутопия. Романы: Сб. / пер с англ. М. Шишмаревой, Э. Пименовой. М.: Прогресс, 1990. С. 77–294.
- 18 *Хаксли О.* О дивный новый мир // О дивный новый мир: Английская антиутопия. Романы: Сб. / пер с англ. О. Сороки. М.: Прогресс, 1990. С. 295–488.

References

- 1 Andreev, G.S. *Problema svobody v angliiskoi antiutopii* [*The Problem of Freedom in English Dystopia: PhD Thesis*]. St. Petersburg, 2020. 304 p. (In Russ.)
- 2 Dydrov, A.A., and V.S. Neveleva. “‘Konets sveta’ i ‘konets mira’: filosofskaia interpretatsiia postapokalipticheskoi fantastiki” [“‘End Times’ and ‘End of the World’: Philosophical Interpretation of Post-apocalyptic Fiction”]. *Sotsium i vlast'*, no. 5 (73), 2018, pp. 100–108. (In Russ.)
- 3 Kamilova, S.E. *Sovremennyi rasskaz: soderzhatel'nye vektory i povestvovatel'nye strategii* [*Modern Short-story: Meaningful Vectors and Narrative Strategies*]. Tashkent, Fan va texnologiya Publ., 2016. 410 p. (In Russ.)
- 4 Kovtun, E.N. *Poetika neobychnogo: Khudozhestvennye miry fantastiki, volshebnoi skazki, utopii, pritchi i mifa (Na materiale evropeiskoi literatury pervoi poloviny XX veka)* [*The Poetics of the Extraordinary: Artistic Worlds of Fantasy, Fairy Tale, Utopia, Parables and Myth (Based on the Material of European Literature of the First Half of the 20th Century)*]. Moscow, Moscow State University Publ., 1999. 308 p. (In Russ.)
- 5 Lazarenko, O.V. *Russkaia literaturnaia antiutopiia 1900-kh – pervoi poloviny 1930-kh godov: Problemy zhanra* [*Russian Literary Dystopia of 1900s – First Half of 1930s: Problems of Genre: PhD Thesis, Summary*]. Voronezh, 1997. 20 p. Available at: <https://dlib.rsl.ru/01000182535> (Accessed 07 June 2020). (In Russ.)

- 6 Lanin, B.A. *Russkaia literaturnaia antiutopiia XX v.* [*Russian Literary Dystopia of 20th Century: PhD Thesis*]. Moscow, 1993. 210 p. Available at: <https://www.dissercat.com/content/russkaya-literaturnaya-antiutopiya-xx-v> (Accessed 05 March 2021). (In Russ.)
- 7 Pavlov, A.V. "Iskusstvo mechat' naprasno: antiutopiia i kapitalizm v sovremennykh kinofranshizakh" ["The Art of Dreaming in Vain: Dystopia and Capitalism in the Modern Cinematograph"]. *Seminar "Ekonomika i kul'tura"* [*Seminar "Economics and Culture"*], 2017. Available at: <https://artesliberales.spbu.ru/ru/calendar/iskusstvo-mechtat-naprasno-antiutopiya-i-kapitalizm-v-sovremennykh-kinofranshizah> (Accessed 23 May 2022). (In Russ.)
- 8 Shishkina, S.G. *Istoki i transformatsii zhanra literaturnoi antiutopii v XX veke* [*The Origins and Transformation of the Genre of Literary Dystopia in 20th Century*]. Ivanovo, Ivanovo State University of Chemistry and Technology Publ., 2009. 229 p. (In Russ.)
- 9 Shishkina, S.G. "Literaturnaia antiutopiia: k voprosu o granitsakh zhanra" ["Literary Dystopia: on the Issue of Genre Borders"]. *Vestnik gumanitarnogo universiteta IGKhTU*, issue 2, 2007, pp. 199–208. (In Russ.)
- 10 Claey's, Gregory. *Dystopia: A Natural History. A Study of Modern Despotism, Its Antecedents, and Its Literary Diffractions*. New York, Oxford University Press, 2017. 556 p. (In English)
- 11 Lisboa, Maria M. *The End of the World: Apocalypse and Its Aftermath in Western Culture*. Open Book Publ., 2011. 219 p. DOI: 10.11647/OBP.0015 (In English)
- 12 Suvin, Darko. *Positions and Presuppositions in Science Fiction*. Ohio, Kent State University Press, 1988. 227 p. (In English)
- 13 Upson, Nicola. "James P[hyllis] D[orothy], Baroness James of Holland Park." Serafin, Steven, and Valerie Grosvenor Myer, editors. *The Continuum Encyclopedia of British Literature*. New York, The Continuum International Publishing Group Inc., 2003, pp. 522–523. (In English)
- 14 Vieira, Fatima. "The Concept of Utopia." Claey's, Gregory, editor. *The Cambridge Companion to Utopian Literature*. Cambridge, Cambridge University Press, 2010, pp. 3–27. (In English)